

В.Л. Тамбовцев

*д.э.н., профессор, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова (Москва)*

НУЖНА ЛИ НОВОМУ МИРОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ?

Аннотация. Очевидные изменения, произошедшие и происходящие в мировой экономике и международном экономическом порядке, породили у ряда отечественных и зарубежных исследователей убеждённость в такой величине и значимости происходящих сдвигов, что они требуют для своего изучения и понимания радикальных перемен и в экономической науке — от создания новых экономических теорий до перехода к её новой парадигме. Анализ обоснованности этих убеждений является основной задачей данной статьи. Для её решения рассматриваются положения современной теории науки о причинах изменений в теориях и смене парадигм, анализируются сложившиеся трактовки понятия мирового или международного экономического порядка, их неточности и неясности, формулируются предложения о более чётком понимании этих терминов. Их сопоставление с происходящими изменениями в мировой экономике логически подводит к выводу о явной преувеличенности утверждений о необходимости новых теорий и даже парадигм для понимания упомянутых изменений.

Ключевые слова: мировой экономический порядок, экономическая теория, смена парадигмы экономической науки.

JEL: B5, F02, F5

УДК: 339.5, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52

© В.Л. Тамбовцев, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамбовцев В.Л. Нужна ли новому мировому экономическому порядку новая экономическая теория? // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52.

FOR CITATION: Tambovtsev V. Does the new world economic order need a new economic theory? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 36–52. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_36_52.

Введение: научные исследования и нужда в новых теориях

Быть в состоянии постоянного изменения — нормальная форма, или норма, существования любой «живой» науки. Что же в ней постоянно меняется и почему? На первый подвопрос можно ответить достаточно уверенно: чаще всего появляются новые факты, по мере их накопления начинают меняться связи фактов (выявляемые регулярности и закономерности), что может привести к изменениям в теориях, обобщающих закономерности. А высшим уровнем изменения можно считать жёсткие ядра исследовательских программ (если принимать логику развития науки И. Лакатоса) или парадигмы (согласно логике Т. Куна). Примерно такая логика следует из различных работ, посвящённых изучению изменений, происходящих преимущественно в естественных науках (см., например: [Kuhn, 1962; Lakatos, 1970; Koertge, 1973; Imre Lakatos and Theories..., 1989]).

В общественных науках новые факты не всегда выступают исходным пунктом изменений в науке, поскольку само их появление есть результат действий людей, которые не только следуют некоторым регулярностям, но могут, во-первых, совершать ошибки. А, во-вторых, могут опираться на критерии выбора, не свойственные большинству других людей, схожесть поведения которых была основой для утверждения о существовании обнаруженных закономерностей. Поэтому даже при отсутствии новых фактов здесь возможны изменения, базирующиеся на новой интерпретации известных фактов или логики их связи. Другие представления об изменениях в науке представлены в [Coccia, 2020].

Как принято считать, основной формой организации процессов получения и фиксации научного знания являются *теории*, представляющие собой систематизированные совокупности утверждений, отражающих выявленные факты и закономерности в определённой предметной области, позволяющие не только описывать, но также объяснять происходящее в ней, а также предсказывать те или иные изменения, которые могут произойти. С точки зрения практического применения научных знаний роль теорий, проверенных на совпадение с известными фактами, особенно велика в социальной сфере, где затруднены эксперименты и преобладают наблюдения и интерпретации [Parsons, 1938].

Разумеется, в силу множественных различий в объектах и предметах тех или иных наук частота возникновения поводов для изменений их составляющих могут разительно отличаться. Используя терминологию Т. Куна, можно сказать, что периоды существования нормальных наук могут иметь длительность, отличающуюся на порядки, однако появление новых теорий как обобщающих совокупностей научных знаний о тех или иных фрагментах мира, в котором мы живём, является типичным элементом научной динамики, особенно в изучении общества и его подсистем. Более того, в этой области нередко также утверждения о *необходимости* изменения теорий и даже парадигм науки. Так, о посткейнсианской теории как о новой парадигме экономической теории говорилось в [Eichner, Kregel, 1975], в [Wagner, 1995] на ту же позицию выдвигался коммунитаризм, а в [Мезоэкономика..., 2020] — мезоэкономика. В [Колпаков, 2008] утверждалось, что экономическая теория занята поиском новой парадигмы, согласие с чем было выражено в [Laybourn-Langton, Jacobs, 2018; Николаева, 2019], причём в [Jacobs, 2015] подчёркивалось, что новая парадигма — это нужда (need) экономической теории (ранее это было отмечено в [Hoffman, 2012]). В [Horodecka, Vozna, 2017] предлагалось основывать новую парадигму экономической политики на синтезе ортодоксальной и гетеродоксальной экономических теорий и т.д.

Мировая экономика как совокупность взаимодействующих в большей или меньшей степени национальных экономик различных стран стала объектом изучения практически со времён появления первых экономических теорий, а происходящие в ней изменения всегда привлекали внимание большого числа учёных, работа которых как уточняла одни концепции, так и приводила к появлению других. Как объект научного исследования мировая экономика обладает широким разнообразием составляющих её подсистем, одной из которых является международный (также межстрановой или мировой) экономический порядок (далее для краткости МЭП). Обычно он рассматривается как составная часть международного (также мирового или глобального) порядка, являющих многообразные формы и способы взаимодействия государств, негосударственных организаций, групп и отдельных индивидов, живущих и действующих на Земле. Важность МЭП для функционирования мировой экономики очевидна, поскольку именно с ним связана мировая торговля и функционирование мировых рынков, которые выступают как факторы, ощутимо влияющие на работу национальных экономик, а стало быть — на благосостояние всех жителей всех стран нашей планеты.

В задачи этой статьи не входит какое-либо исследование настоящего, прошлого или будущего мировой экономики или МЭП. Они гораздо уже и заключаются в том, чтобы, во-первых, проанализировать, как в экономической науке изучается МЭП, и во-вторых,

выявить, насколько обоснованы встречающиеся в литературе утверждения о необходимости перехода к новой экономической теории или новой парадигме экономической теории в связи с происходящим переходом мировой экономики к новому МЭП. Анализ этих утверждений посвящён следующий раздел статьи, исходя из результатов которого и ряда положений экономической науки далее будут сформулированы некоторые уточнения концепции МЭП, которые позволят в заключительном разделе обосновать вывод о факультативности поисков новых теорий для исследований изменений в мировом экономическом порядке.

Мировой экономический порядок: нынешняя характеристика понятия

Мировые порядки, как политический, так и экономический, весьма динамичны [Гринин, 2016], причём первый может измениться (и меняется) с большей скоростью, чем второй. Соответственно, изучение динамики мировых порядков, включающее вопросы разработки новых теорий или парадигм, ведётся как в политической, так и в экономической науке. В рамках первой из них можно указать такие исследования, как, например, [Wade, 2011; Belmonte, Cerny, 2021; Миронюк, 2024]. Что касается экономической науки, то в ней о необходимости перехода к новым теоретическим концепциям говорится, среди других, в [Calkins, Vézina, 1996; Jorgenson, Vu, 2013; Гринберг, 2016; Бодрунов, 2019; Snower, 2019; Анимица, Рахмеева, 2020; Глазьев, 2022]. Одна часть таких суждений и призывов обосновывается «методологической несостоятельностью» экономического мейнстрима, его ориентацией на количественные модельные исследования, в то время как другая — изменениями самих экономических процессов и явлений, на которые, с точки зрения их авторов, мейнстрим или не реагирует, или реагирует неадекватно.

Именно в рамках этой части установок на смену экономической парадигмы в качестве её оснований называется произошедшее или происходящее изменение мирового экономического порядка: «...современный этап развития мирового хозяйства является переходным периодом не в силу тех эффектов и процессов, которые происходят под влиянием определённых событий, а по причине перестройки всей мировой экономической и геополитической архитектуры. Всё вышеперечисленное, в свою очередь, требует адекватного ответа и со стороны экономических школ в виде необходимости развития теоретических подходов к вопросу транзитивного характера современного этапа развития мирового хозяйства и перехода на иной этап» [Коновалова, 2023. С. 7]. Схожие аргументы приводятся, например, С.А. Толкачевым: «Кризис существующей экономической теории мейнстрима длится уже более 50 лет, но самые последние мирохозяйственные сдвиги добавляют ему дополнительные качественные черты, характеризующие не только полное отсутствие практико-прогностической функции, но и неадекватность его когнитивного арсенала новым реалиям» [Толкачев, 2025. С. 22].

Рассмотрим подробнее, как экономисты характеризуют МЭП и его изменения, требующие, по мнению некоторых из них, соответствующих изменений в существующих экономических теориях и/или парадигмах¹. Вероятно, одной из первых для послевоенного времени работ в этой области, специально посвящённой основаниям концепции экономического порядка, была статья [Spengler, 1948], где возникновение упорядоченности человеческих действий рассматривалась как фундаментальная проблема их координации при отсутствии центрального источника предписаний, в связи с чем обсуждалась концепция

¹ Вопрос о том, корректно ли говорить о парадигме (тем более парадигмах) в экономической науке, относится к дискуссионным, и его обсуждение к содержанию данной статьи не относится.

спонтанного порядка Ф. Хайека² и идеи А. Смита о «невидимой руке». Схожий подход был отражён и в статье [Saxonhouse, Saxonhouse, 1988], в которой авторы возводили происхождение концепции к работам Аристотеля и Фомы Аквинского, где экономический порядок характеризовался с этической точки зрения, рассматривая экономическое поведение, как обеспечивающее «хорошую жизнь». Развитие такого понимания они видели в идеях А. Смита, который, признавая важность моральных суждений, связывал экономический порядок также и с действиями «невидимой руки рынка» и последствиями конкуренции, приводившей к тому, что, преследуя собственный интерес, производитель (продавец) удовлетворял и интересы других людей, внося свой вклад в их «хорошую жизнь». Тем самым понятие экономического порядка оказывалось «погружённым» в концептуальные основы современных экономических теорий. Легко видеть, что обнаружение таких исторических связей экономического порядка с идеями классиков философии и экономической науки не оставляло места для увязывания изменений в этом порядке с отказом от преобладающих экономических концепций. Это не могло привлечь к положениям этого исследования тех, кто имел противоположную точку зрения, что и объясняет невысокий уровень цитирования данной статьи.

Что касается сложившейся во второй половине XX в. практики использования понятия МЭП как производного от более широкого понятия экономического порядка, то Гарри Джонсоном для выражения «новый международный экономический порядок» (new international economic order) было выявлено три различных значения: во-первых, как нечто принципиально противостоящее существующей системе международных экономических отношений, нуждающейся в корректировке или изменениях; во-вторых, как позиция иная, нежели позиция политики, проводившейся и проводимой ведущими западными странами по отношению к другим странам; в-третьих, как совокупность изменений в политике, которые соответствовали бы тем положениям, которые были приняты Генеральной ассамблеей ООН в 1974 г.³ [Johnson, 1976]. Как видно, все эти значения не дают чёткого определения того, что именно представляет собой (новый) МЭП, они скорее характеризуют его соотношение с существующим МЭП, определение которого также остаётся неясным.

Для понятия МЭП эта ситуация не уникальна: например, в масштабной⁴ монографии «Глобальная политическая экономия: Понимая международный экономический порядок» [Gilpin, 2001] определение международного (мирового, глобального) экономического порядка *отсутствует*; ни одного из этих выражений нет и в предметном индексе. В самой же книге достаточно детально описывается, каковы экономические отношения между странами, как устроены торговая и финансовая системы, как осуществляется процесс глобализации и т.п., хотя выражение «Новый глобальный экономический порядок» (The New Global Economic Order) присутствует только в *заголовке* первой главы, но не в её тексте.

Думается, что такое отношение к понятию, центральному для книги, т.е. выступающему как её задача («Понимая международный экономический порядок»), можно объяснить только убеждённостью автора о полной и повсеместной ясности и однозначности того, что оно означает. Однако, как мы видим из приведённых выше данных, это убеждение не сильно соответствует действительности.

² Сравнительно недавно была предложена формализация идеи спонтанного порядка на базе модели рыночного равновесия Эрроу-Дебре [Tao, 2016], т.е. фактически включение её в ортодоксальную неоклассическую экономическую теорию.

³ Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Резолюция ООН № 3201 (S-VI) от 1 мая 1974 г. <https://digitallibrary.un.org/record/218450?v=pdf> [Declaration on the Establishment of a New International Economic Order. A/RES/3201(S-VI). Adopted at the 2229th plenary meeting, 1 May 1974. A_RES_3201(S-VI)-EN.pdf]

⁴ Её объем — 436 стр.

Безусловно, можно согласиться с тем, что некоторое общее «фоновое» представление о значении словосочетания МЭП существует: это некоторая характеристика экономических взаимодействий внутри мировой экономики. Однако такое понимание чрезмерно широко: неясно, кто выступает субъектами взаимодействий, равно как и то, какие взаимодействия определяют экономический порядок. Дело в том, что прилагательное «экономические» в данном контексте неоднозначно, поскольку *экономический аспект* есть у любых взаимодействий: даже у дружеских отношений есть и издержки (хотя бы времени), и выгоды (хотя бы эмоциональные), и эти характеристики можно выделить для всех типов и видов межличностных или межорганизационных взаимодействий. Между тем, для того чтобы анализировать и сравнивать, а тем более сознательно изменять МЭП, нужно чётко знать состав и иные характеристики того, что обозначают эти слова.

Казалось бы, для такого варианта понимания МЭП, как новый международный экономический порядок, определённый резолюцией Генеральной ассамблеи ООН в 1974 г. (далее НМЭП), дефинитивная неясность отсутствует в силу существования этой резолюции. Однако обсуждение содержания данного документа и следствий из него занимало и занимает значительное место в политико-экономическом анализе [Laszlo, Baker, Eisenberg, Raman, 1978; Bair, 2009; Golub, 2013; Gilman, 2015; Venzke, 2018; Kadir, 2021; Haug, Braveboy-Wagner, Maihold, 2021]. Очевидно, его появление было следствием процесса деколонизации, начавшегося после Второй мировой войны и приведшего к проблемам в экономических взаимодействиях новых независимых государств и их бывших метрополий. Для преодоления трудностей, с которыми столкнулись экономики стран, обретших независимость, была принята установка на оказание им разнообразной помощи — как финансовой, силами созданных организаций типа Мирового банка, так и информационной, путём поддержки в разработке реформ организационно-правового характера, направляемой на достижение развивающимися экономиками состояний, близких к состояниям экономик бывших метрополий и других стран-доноров. Участие в числе последних СССР привело к тому, что в развивающихся странах предпринимались усилия не только по построению в них нормальных капиталистических, но централизованно планируемых социалистических экономик. При этом мировая экономика в целом, включающая национальные экономики самых разных устройств, была рыночной экономикой, участники которой взаимодействовали через совокупность мировых рынков, используя, как и в любой экономике, наряду с куплей-продажей, также и разнообразные нерыночные взаимодействия [Hall, Soskice, 2001; Stiglitz, 2017].

За десятилетия, прошедшие со времени возникновения НМЭП, в мировой экономике происходили многие процессы, приведшие в возникновению в ней новой ситуации, в которой, с одной стороны, исчез СССР как государство, стремившееся к формированию командных экономик в ряде стран мира, а с другой — продемонстрировала свою низкую действенность система финансовой и информационной помощи развивающимся государствам. В то же время как саморазвитие экономики такой страны, как КНР, сделало её второй экономикой мира⁵. Однако упомянутые изменения — это изменения в *мировой экономике*⁶. Изменился ли МЭП? Легко видеть, что ответить на этот вопрос (неважно, положительно или отрицательно) без чёткого определения того, что такое МЭП, весьма затруднительно.

Что пишут о понятии международного, в том числе экономического, порядка современные авторы? В политической науке, прежде всего в исследованиях международных

⁵ Не стоит забывать, что очевидный вклад в развитие экономики КНР внёс действовавший МЭП, часто именуемый либеральным международным порядком [Ikenberry, 2018], поскольку в рамках этого порядка ведущие страны не ставили препятствий на путях международной торговли.

⁶ Разумеется, в мировой экономике за период 1974 — н/в произошло ещё множество других изменений, так что приведённые данные фактически отражают моё личное представление (ментальную модель) МЭП. Словесное описание этой ментальной модели будет дано в следующем разделе статьи.

отношений, достаточно широкое распространение получила позиция, согласно которой международный порядок — это «паттерн деятельности, устанавливающий основные или предпочтительные (*elementary or primary*) цели сообщества государств (*the society of states*), или международного сообщества (*international society*)» [Bull, 1995. P. 8]. Это понимание не может не вызвать некоторых замечаний.

Согласно позиции Х. Булла, международное сообщество является *анархическим*, поскольку его участники (государства) суверенны в своих решениях и действиях, т.е. независимы от других членов сообщества. Такая независимость, однако, (по крайней мере для разумных правителей государств), начиная с того периода, когда появлявшиеся тысячелетия назад государства вступали в регулярные взаимодействия, определённым образом ограничена: суверенные правители учитывали и учитывают внешние эффекты (последствия для других правителей и их государств) принимаемых ими решений. Важно отметить, что такой учёт — не итог внешнего принуждения, а логический вывод самого индивида, сделанный после того, как неучёт возможных последствий имел следствием для него негативные результаты. Разумеется, ограниченная рациональность индивидов может приводить к тому, что не все осознают полезность предварительного учёта не прямых последствий, но в целом общий естественный (эволюционный) отбор обеспечивает сообществам тенденцию к расширению практик учёта внешних последствий при принятии решений.

Характеристика международного порядка как паттерна также вызывает большие сомнения. Ведь у этого термина, широко применяемого в социальных науках, очень неопределённое значение. Он призван «соединять» неосознаваемые, самостоятельно сформированные мозгом регулярности с сознательно принятыми договоренностями о правилах взаимодействия. Кроме того, включение таких расплывчатых паттернов в содержание международного порядка оставляет открытым вопрос об его (порядка) существовании в условиях, когда общий паттерн или отсутствует вообще, или появляется у (правителей) некоторой части государств. Имеет ли место в этих условиях международный порядок? Для внешнего наблюдателя, например «зелёного человечка с космической тарелки», мировой порядок, безусловно, существует, поскольку наблюдаются расположения поселений, а также их различные свойства, позволяющие сравнивать и упорядочивать эти объекты. Однако для правителей, например, городов-государств ольмеков в Центральной Америке, существовавших в 1 тысячелетии до н.э., и аналогичных организаций Древней Греции того же периода, *мировой*, т.е. охватывающий всю Землю, порядок не существовал, поскольку ни один из этих народов не знал о существовании другого. Такое несоответствие — прямое следствие трактовки международного порядка как паттерна, а не чего-то иного.

Тем не менее данное понимание, как отмечалось, распространено весьма широко: достаточно упомянуть, что в [Ikenberry, 2016] международный порядок, в соответствии с подходом так называемого исторического институционализма [Hall, Taylor, 1996] предложено считать политическим институтом; концепция анархии международного сообщества является базовой в [Kocs, 2019], а в [Adler, 2019] возникновение различных социальных порядков, или «упорядочение мира» (World Ordering) предлагается считать результатом коллективного научения, протекающего в условиях «эпистемологической безопасности» (*epistemological security*). Классификация международных порядков по происхождению предложена в [Lascurettes, Poznansky, 2021].

Нельзя не отметить, что в литературе представлена также и разнообразная критика очерченного вкратце подхода. Весомое место занимает в ней модное в последнее время «анти-колониальное» направление, сторонники которого считают, что нынешняя мировая наука «заставляет» ориентироваться на достижения западных исследователей и не учитывает в должной мере подходы, опирающиеся на другие культуры и традиции (см., например: [Karataşlı, 2023; Benabdallah, 2024; Mitzen, 2024; Brown, 2024] и др.). Например,

в [Flockhart, 2024] выдвигается подход к изучению мирового порядка, в котором проблемы последнего предлагается анализировать в иной терминологии, чем преобладающий язык силы и интересов, в рамках которого государства считаются целостностями, а не организациями, состоящими из отдельных индивидов. Такой альтернативный подход, по мнению автора, должен уделять больше внимания ценностям и различиям представлений о том, что представляет собой «хорошая жизнь» (good life), на обеспечение которой должны быть нацелены действия государств. Как представляется, подобная критика малопродуктивна: недостаточно предложить, на что обращать внимание, нужно ещё и обосновать это эмпирически, а также показать, какое новое научное знание получается при изменённом подходе, — то новое знание, которое, во-первых, подтверждено эмпирически, а во-вторых, не могло быть получено в рамках критикуемого подхода. Без такого расширения «анти-колониальные» предложения оказываются публицистическими, а не научными.

Как на фоне очерченного понимания международного порядка «вообще» трактуется его составная часть — МЭП? В литературе преобладают неявные определения этого порядка, отмечающие те или иные его свойства. Так, в [Saxonhouse G., Saxonhouse A., 1988. P. 344] отмечается такая характеристика порядка, как его противостояние хаосу: «Порядок предполагает ограничения. Хаос — это отсутствие лимитов или границ». А в книге [Siebert, 2002. P. XIII] выделяется его способность ограничивать некооперативное поведение: «Для того, чтобы обеспечивалось международное разделение труда, мировой экономике нужен институциональный порядок, способный сдерживать стратегическое (т.е. некооперативное) поведение». В более поздней работе Х. Зиберт расширил и уточнил это понимание, характеризуя МЭП как «институциональное соглашение (institutional arrangement) в виде международных правил. Такие правила возникают как результат негативного опыта — исторических катастроф, которые приносили людям тяжёлые бедствия... Глобальные правила относятся к институциональным соглашениям между государствами... система правил не только характеризует международные взаимодействия и взаимозависимости реальных экономик, но также и монетарные международные отношения. Используя слово “порядок”, ... мы можем говорить о мировом экономическом порядке (world economic order)» [Siebert, 2008. P. 3]. Схожее понимание ранее было выдвинуто в [Градов, Иванова, Гутман, 2003. С. 27]: «...экономический порядок — это система экономических и иных общественных институтов, регулирующих (регламентирующих) хозяйственную деятельность». В работах [Dinga, 2020; Dinga, 2021] понятие экономического порядка трактуется как обязательные рамки (mandatory framework), внутри которых может осуществляться экономическая деятельность, при этом обязательность выступает следствием осознанного создания соответствующих рамок. Схожая позиция представлена в [Dimitrijević, 2023], где автор считает, что формирующиеся в последние годы новые нормы МЭП сознательно создаются усилиями государств — членов БРИКС. Этот подход ясно выражен в предложениях по проектированию (дизайну) международного экономического порядка, формулируемых в [Bowen, Broz, 2020].

Наконец, нельзя не отметить, что недавно опубликованная коллективная монография, посвящённая новому глобальному экономическому порядку [Ing, Rodrik, 2025a], демонстрирует широкое и неоднозначное понимание объекта изучения. Текст введения к ней, написанный научными редакторами книги, явно свидетельствует о том, что обсуждаемый порядок — это соотношение экономик различных стран по объёму их производства и экономической силе: «Слабеющее доминирование Соединённых Штатов и их союзников сигнализирует о потенциальной перестройке среди мировых держав, поскольку экономическое господство Китая продолжает изменять баланс влияния. Этот переход отражает широкий геополитический и экономический сдвиг, углубляемый выраженными слабостями, с которыми сталкиваются основные двигатели глобального роста, включая Соединённые Штаты, западные экономики и сам Китай... В то же время, возникновение

стран средней силы, таких как Австралия, Бразилия, Индия, Мексика, Республика Корея, Южная Африка, юго-восточные азиатские страны (особенно Индонезия) и Турция, оказывают всё большее влияние на траекторию глобального экономического порядка» [Ing, Rodrik, 2025b. Р. 3]. Между тем в следующей главе книги также не даётся явного определения понятия международного (или глобального) экономического порядка, однако из приводимых положений ясно следует его понимание не как упорядоченной последовательности стран по их экономической мощи, а как совокупности правил, определяющих взаимодействие стран в мировой экономике. Например, говоря о происходящих в последние годы изменениях в мировой экономике, автор пишет: «Когда правила слишком ограничивают, они в конце концов отбрасываются. Когда неприемлемые правила держатся слишком долго, демократия может сделаться слишком хрупкой, и международная кооперация станет дискредитированной. В мире, который нуждается в глобальной кооперации более, чем когда-либо, опасно, что либеральный интернационализм начинает всё больше идентифицироваться с конкретной экономической политикой, как это было в 1930-е годы. Это критически важно для разграничения правил, которые существенны, и правил, которые не существенны, а также тех, которые потенциально опасны, и понимания того, что демократические правительства, для того чтобы справляться с меняющимися обстоятельствами, должны опираться на гибкую политику» [O'Rourke, 2025. Р. 22].

В завершении раздела нельзя не отметить, что изменения, происходящие в мировой экономике за последние полвека, не могли не породить новые понятия, характеризующие её устройство и взаимодействие национальных экономик: в литературе стало весьма широко использоваться понятие «геоэкономического порядка» (geoeconomic order) (см., например: [Babic, Dixon, Liu, 2022; Mallin et al., 2025]), которое, «отражая изменяющееся понимание баланса между экономикой и безопасностью, ... характеризуется бóльшим вниманием к относительным экономическим выгодам с точки зрения их использования в сфере безопасности и ростом обеспокоенности относительно рисков, порождаемых взаимозависимостью и связанностью (connectivity)» [Roberts, Moraes, Ferguson, 2019. Р. 656]. Иными словами, этот порядок нацелен на «безопасность экономической политики и экономность политики стратегической безопасности» (securitisation of economic policy and economisation of strategic policy) [Ibid. Р. 655]. При этом, правда, понятие «просто» (международного) экономического порядка какого-либо определения или описания свойств в этой статье не получило.

Понятие мирового экономического порядка: возможные варианты определения

Трудно не согласиться с тем, что «когда порядок рассматривается как оспариваемое понятие (contested proposition), а не объективное работающее устройство (mechanical arrangement), научный подход быстро заходит в тупик» [Hurd, 2024. Р. 1]. Поскольку «сверхзадача» этой статьи — именно *научный* подход к анализу экономических процессов и структур, то необходимость использования понятия МЭП, которое можно трактовать как «работающее устройство», а не объект споров, представляется значительной.

В разговорном (литературном) языке понятие порядка имеет два «измерения» — дескриптивное и нормативное. В рамках первого говорят, что в некоторой совокупности объектов по тому или иному их свойству имеет место порядок, если эти объекты можно охарактеризовать пространственной, временной или фазовой упорядоченностью, оцениваемой в порядковой или количественной шкале, например, по убыванию или возрастанию значений этого свойства. В рамках второго соответствующее расположение объектов сопоставляется с некоторой идеальной или желаемой упорядоченностью: если они совпадают, совокупность находится в состоянии порядка, если нет — говорят, что порядок отсутствует, хотя он может иметь место, но по другому признаку или для другой

последовательности объектов. Эти характеристики вполне различимы, и из контекста, в том числе невербального, в рамках общения понятно, о каком порядке идёт речь — том, который можно обнаружить, или том, который соответствует некоторому должному или идеальному положению дел.

В научных исследованиях дескриптивный и нормативный подходы также возможны, однако рассмотренные выше понимания МЭП являются исключительно дескриптивными, хотя и одинаково обозначающими отнюдь не одинаковые объекты. Чтение и просмотр упомянутых выше работ, посвящённых тематике и проблемам МЭП, дают основание утверждать, что в большинстве из них одним и тем же термином исследователи называют два совсем разных объекта, не всегда их разграничивая в публикуемых текстах. Первый из таких объектов — это *условия*, в которых формируются (спонтанно складываются или сознательно создаются) различные соотношения национальных экономик, а второй — это то конкретное соотношение различных свойств экономик, которое возникло к определённом моменту времени. МЭП, состоящий из многообразных факторов взаимодействия экономик как частей мировой экономики, можно назвать *генерирующим* или *порождающим* МЭП (для краткости, МЭП-1), а существующие в разные моменты или периоды времени соотношения экономик по их силе или экономической власти — *сложившимся* МЭП (или МЭП-2).

Важность их разграничения обусловлена тем, что некоторые варианты МЭП-1 способны порождать различные версии МЭП-2, в то время как другие виды МЭП-1 могут быть специально сформированы так, чтобы обеспечить возможность возникновения и сколь угодно долгого существования вполне определённых вариантов МЭП-2. Иначе говоря, связи МЭП-1 и МЭП-2 существуют, но по содержанию они достаточно разнообразны и неоднозначны, равно как и виды экономических порядков, составляющие возможные множества значений соответствующих понятий. Поэтому то, что верно для МЭП-1, скорее всего неверно для МЭП-2, и наоборот, откуда следует, что работы, посвящаемые «просто» МЭП и не учитывающие указанных двух смыслов этого термина, с большой вероятностью будут становиться объектами критики за их противоречивость и неясность.

Рассмотрим в этой связи содержание предложенных типов МЭП подробнее. Поскольку обе версии являются различными характеристиками одного объекта — мировой экономики, сначала полезно сформулировать её понимание как той основы, одной из черт которой выступает тот или иной тип порядка. Для этого вполне подходит трактовка мировой экономики как совокупности национальных экономик, элементы которых — фирмы и государственные регулирующие ведомства — взаимодействуют в формах обмена (купли-продажи продукции), сотрудничества (совместного взаимовыгодного решения тех или иных задач) и/или конкуренции.

Нельзя не подчеркнуть, что характеристика фирм и регуляторов как *субъектов* взаимодействий является фактически метафорой и использована здесь для краткости, заменяя более длинное, но и более правильное выражение типа «руководители и работники фирм и государственных регулирующих организаций». Ведь принимать решения и действовать могут только индивиды, а не организации, тем более — совокупности организаций, такие как национальные экономики.

С учётом этого замечания можно сказать, что взаимодействия фирм и регуляторов внутри национальных экономик осуществляются внутри соответствующих институциональных сред, включающих как формальные, так и неформальные институты, а взаимодействия организаций, входящих в разные национальные экономики — так называемыми нормами международного экономического права (НМЭП), представляющими собой договорённости двух или большего числа руководителей различных государств относительно того, как могут взаимодействовать между собой организации экономик этих стран. Инфорсмент таких договорённостей в большинстве случаев осуществляется

их государствами-участниками, и только в отдельных случаях предполагается создание специализированных органов контроля. Если руководители какого-то государства не являются участниками той или иной договорённости, фирмы и регуляторы этой страны не обязаны руководствоваться соответствующей нормой, равно как и фирмы стран, руководители государств которых подписали договорённости, также не обязаны придерживаться нормы в отношениях с фирмами страны, не присоединившейся к договорённости. Таким образом, в рамках мировой экономики возможны взаимодействия фирм в соответствии как с упомянутыми нормами международного права, так и вне них, если относительно соответствующего типа взаимодействий нет договорённости руководителей государств, внутри которых функционируют взаимодействующие фирмы.

Тем самым в каждый момент времени МЭП-1 представляет собой ту или иную совокупность НМЭП (многосторонних договорённостей), двусторонних договорённостей руководителей различных пар государств, множества частных договоров фирм относительно их взаимодействий в областях, которые не регулируются упомянутыми нормами и договорами, а также неформальными правилами делового оборота. Многосторонние договора, регулирующие взаимодействие экономических организаций, — сравнительно недавнее явление, до него межстрановые операции фирм регулировались в лучшем случае парными межгосударственными договорами, а в их отсутствии — частными договорённостями фирм, поддерживаемыми как национальными правовыми системами, так и нормами, действующими внутри различных торговых ассоциаций [Milgrom, North, Weingast, 1990]. Понятно, что эти договора определяли преимущественно условия конкретных актов купли-продажи и/или сотрудничества, лишь в некоторых случаях определяя границы конкуренции в виде договоров о территориальном разграничении рынков и государственных декретов о монополизации производства и продажи той или иной продукции. Конкуренция как форма взаимодействия фирм до середины прошлого века в большинстве национальных экономик протекала без правового регулирования. Нельзя также не отметить, что в силу разнообразия внутригосударственных экономических политик НМЭП могут ощутимо расходиться с требованиями регуляторов, предъявляемыми к фирмам, действующим внутри национальных экономик. Институциональные среды последних, оказывая во многом определяющее воздействие на уровни их развития, нет смысла включать в МЭП-1, хотя они более чем значимы для формирования и изменения МЭП-2.

Как всякие институты, составные части МЭП-1 могут возникнуть одним из трёх способов: 1) стать следствием внешнего принуждения; 2) быть созданными по договорённости будущих гарантов и исполнителей; 3) сформироваться спонтанно [Opp, 1982; Тамбовцев, 2010]. Первый из указанных способов, казалось бы, в сфере международных отношений при отсутствии единого всепланетного правительства нереален. Однако не следует забывать о многообразии возможных угроз и возможности негативных последствий в случае не следования рекомендациям. Это и способно обеспечить не вполне добровольное участие правителей государств в тех или иных НМЭП. Второй способ является преобладающим, а третий характерен для неформальных институтов, входящих в совокупность. Соответственно, изменения МЭП-1 также могут происходить (и происходят) любым из этих способов, а вопрос о том, какими могут быть эти изменения, обсуждается в рамках различных теорий институциональных изменений, которых на сегодня в совокупности социальных наук разработано достаточно много (см., например: [Kingston, Caballero, 2009]). Согласно наиболее продвинутой экономической теории институциональных изменений Д. Норта [North, 1990], стимулы к ним возникают при изменении знаний об экономике, включая изменение цен. И те субъекты, которые выявляют препятствия для получения выгоды от этих знаний в тех или иных институтах, могут начать предпринимать определённые усилия для их изменений. Для того чтобы эти усилия оказались успешными, их

субъект должен обладать определённой экономической силой (или властью), достаточной для того, чтобы привлечь столько правителей других государств, чтобы заработали первый или второй способ создания новых институтов. Очевидно, возможности изменения (или, напротив, сохранения) наиболее велики для правителя, экономика чьей страны обладает наибольшей силой, будучи, как принято говорить при обсуждении этих вопросов, гегемоном в МЭП-2.

В конце прошлого века, согласно [Krauthammer, 1990], этим свойством обладала экономика США. Но уже спустя два десятилетия исследователи заговорили о новом претенденте на данную роль — экономике КНР, видя в её быстром росте угрозу так называемому либеральному МЭП [Ikenberry, 2008].

Особенность такого порядка типа МЭП-1, или либерального МЭП-1, заключается в том, что он ориентирован на обеспечение свободы обменов экономическими ресурсами и продукцией, не предопределяя те или иные места различных стран в рейтинге их силы или экономической власти. В его рамках *взаимодействие фирм* — их конкуренция или кооперация — является двигателем процесса формирования и изменения МЭП-2. Результаты этого взаимодействия определяются: а) свойствами фирм, такими как её технологии, требуемые ресурсы, производимая продукция и т.п.; б) компетенцией их менеджмента; в) свойствами фирм-конкурентов; г) национальной институциональной средой, фиксирующей условия, в которых фирмы достигают и изменяют свои свойства. Отсюда следует, что та позиция, которую занимает национальная экономика в иерархии МЭП-2, зависит преимущественно от её институциональной среды, устанавливаемой соответствующим национальным государством, а не от устройства МЭП-1, принятого руководителями национальных государств. Поэтому недовольство либеральным МЭП-1 могут высказывать (и высказывают) руководители и иные граждане тех стран, где внутренние институциональные среды сдерживают развитие национальных экономик, т.е. совокупностей фирм, руководители которых не смогли сформировать у них свойств, позволяющих им побеждать в конкурентном взаимодействии с фирмами из других экономик на мировых рынках.

Легко видеть, что высказываемое в ряде так называемых развивающихся стран недовольство либеральным МЭП-1 выполняет чисто внутривнутриполитическую функцию маскировки причин проигрышей национальной экономики в конкуренции на мировых рынках. При этом, как показывает масштабный эмпирический анализ, *благодарительная помощь* таким странам со стороны международных организаций, стран с более успешными экономиками и частных лиц, наряду с очевидной текущей гуманитарной полезностью для населения, сопряжена и с рядом *негативных* долгосрочных экономических и политических последствий для улучшения институциональных сред стран-реципиентов [Koch, 2024; Cruz, Labonne, Wright, 2024]. Причина таких последствий очевидна: поддерживая население, внешняя помощь одновременно тормозит его стимулы к воздействию на государство с целью изменения проводимых государственных политик.

Соответственно «кризис международного порядка» [De Robertis, Tkachenko, 2020] — технологически совместный результат множественных и разнообразных усилий на дипломатическом и иных полях тех руководителей стран, которые оказались не готовыми изменять институциональные среды экономик этих стран, одновременно сохраняя собственную неудовлетворённость объективно полученными статусами, которые они продолжают поддерживать (или даже снижать) в МЭП-2, сложившегося на основании либерального МЭП-1. Несомненно, свой вклад в этот кризис внесли и руководители стран — лидеров МЭП-2, не проводя в достаточном объёме публичное разъяснение причин упомянутых усилий критиков, т.е. не ориентируя общественное мнение на причины этих усилий, а значит, нежелание менять созданный национальный экономический порядок.

Понятно, что если очерченную деятельность осуществляют правительства стран, чьи экономические или военные потенциалы не в состоянии оказать ощутимое негативное

влияние на остальные страны, то ни о каком кризисе сложившегося МЭП как 2, так и 1 говорить нет оснований. Основания появляются, если эту деятельность начинает проявлять страна или группа стран, у которых хотя бы один потенциал (экономический или военный) создаёт возможности ощутимо влиять на другие страны, но руководители их государств чувствуют себя недооценёнными со стороны других руководителей.

Разумеется, одного стремления правителя недостаточно, чтобы возглавляемая им страна и её экономика начали действовать для повышения своего статуса: для этого необходимо, чтобы такое стремление стало достаточно массовым среди экономических агентов этой страны, а действующая в ней институциональная среда не препятствовала реализации их усилий. В [Mazarr, 2022] был выделен целый ряд социетальных факторов, влияющих на способность стран повышать и поддерживать конкурентоспособные позиции своих экономик, таких как наличие национальных амбиций и воли к их достижению, однородная национальная идентичность, наличие широких возможностей реализации замыслов, активность действий государства по поддержке своих граждан, наличие действенных институтов экономической деятельности, научающееся и адаптивное общество, конкурирующее многообразие и плюрализм. Отсутствие или слаборазвитость хотя бы одного из этих факторов будет означать наличие действенных препятствий устремлениям её правителя. Эти факторы находятся внутри страны и с большой вероятностью созданы его же предшествующими действиями в части формирования экономических и иных институтов.

Нельзя не обратить внимание и на такой момент: деятельность по повышению позиции в МЭП-2 является типом конкурентной борьбы. Если конкуренция в национальной экономике регулируется соответствующим законодательством, то конкуренция между государствами такой общепринятой правовой основой не располагает. Разумеется, относительно некоторых видов действий в этой конкуренции существуют многосторонние договорённости (элементы так называемого международного права), однако контроль за их исполнением лежит, как отмечено выше, на самих государствах-участниках, а не на какой-либо специальной организации, обладающей достаточным потенциалом для наказания нарушителей условий договора. Это означает, что межгосударственная конкуренция, в отличие от экономической конкуренции в национальных экономиках, фактически свободна от действенных правил, потому возникновение в её результате государства-монополии вполне возможно.

Как изучается меняющийся МЭП-2, его формирующаяся «новая реальность»? Анализ литературы свидетельствует прежде всего о развитии *понятийного аппарата* как общенаучного механизма отражения новых свойств изучаемого объекта. Эти свойства могут быть как вновь открытыми или появившимися, так и достаточно давно известными, однако приобретшими принципиально более широкое распространение. Так, сама меняющаяся упорядоченность национальных экономик проявилась в характеристике экономического порядка как многостороннего (multilateral) [Keohane, 1990; Ruggie, 1992] и многополярного (multipolar) [Makarychev, Morozov, 2011; Degterev, Timashev, 2019; Солуянов, 2021]. Первое из этих свойств отражает множественность участников различных решений относительно взаимодействия экономик, а второе, возникшее как описание уходящей, по мнению ряда исследователей, однополярности мировой экономики, выражающейся в гегемонии экономики США, описывает концентрацию многосторонности вокруг альтернативных «полюсов притяжения» мировой экономики. Названные структурные характеристики формирующегося МЭП-2 привели к появлению новых черт в поведении национальных правителей, регулирующих взаимодействия экономик соответствующих стран, что нашло выражение в понятиях геоэкономической теории (geoeconomics) [Luttwak, 1990; Moisisio, 2019; Шлюндт, Нефедов, Линец, 2023; Glassman, 2025; Mohr, Trebesch, 2025] и геополитической конкуренции (geopolitical competition) [Thompson, 1995; Mitchell, Thies, 2011; Shahidi, Nasirpour, Zarei, 2025]. Если понятие геоэкономической теории означает изучение области взаимодействия

проводимой экономической политики и её влияния на политико-экономические позиции страны в мировом порядке, то геополитическая конкуренция фактически является этой областью, одновременно расширяя методы её изучения за пределы экономической теории.

Заключение: так нужна ли новая теория для изучения нового мирового экономического порядка?

Предложенное выше явное разграничение двух принципиально различных понятий МЭП, предполагающее, что исследования их изменений должны опираться на несовпадение механизмов их возникновения и функционирования, позволяет сделать следующие краткие выводы из проведённого анализа, дающие ответ на вопрос, помещённый в заголовок статьи.

Во-первых, предлагаемое разграничение МЭП-1 и МЭП-2 предоставляет возможности избежать неясностей и двусмысленностей при их исследовании, которые легко могут возникнуть при обсуждении «обобщённого» МЭП, поскольку такое «обобщение» логически противоречиво.

Во-вторых, связь между МЭП-1 и МЭП-2 осуществляется процессами конкуренции и сотрудничества. И МЭП-1, и МЭП-2 — составные части современной экономической теории, и они достаточно детально изучаются различными исследовательскими программами. При этом показано, что экономическая конкуренция в целом продуктивна для развития экономики, если она не ведёт к появлению монополий. Однако политическая конкуренция лишена таких ограничений, в силу чего может иметь непродуктивный характер для населения стран, правители которых стремятся не столько повысить благополучие населения, сколько улучшить свой статус в совокупности правителей других государств. Об этом ясно свидетельствует история экономик многих стран, вышедших из колониальных систем в начале второй половины XX в.

В-третьих, формирующийся последнее десятилетие МЭП-2 (если в течение обозримого времени ряд ведущих национальных экономик действительно поменяются местами на шкале экономической власти) изменит *структуру* мировой экономики, но отнюдь не её природу. Ожидать, что нынешняя преобладающая экономическая теория окажется не в состоянии её исследовать, конечно, можно, но это лишено рациональных оснований. Подобные изменения происходили в мировой экономике постоянно, меняя объект экономической географии, но не предмет экономической теории, динамикой которого двигали иные механизмы.

Таким образом, изучение нового международного экономического порядка, ведущееся в рамках различных социальных наук, включая существующую экономическую, не требует радикального пересмотра последней. Она достаточно успешно справляется с теми новыми задачами и проблемами, которые возникают в меняющемся мире. Замечу в завершение, что среди этих задач есть множество таких, которые в принципе *не имеют научного решения*. Потому выводиться из их нерешённости несовершенство какой-то конкретной науки, а не науки вообще, попросту некорректно. Однако детальное обсуждение этих вопросов не входит в задачу данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Анимица Е.Г., Рахмеева И.И. (2020). Третья институциональная революция и изменение структуры экономических отношений [Animitsa E.G., Rakhmееva I.I. (2020). The Third institutional revolution and changing the structure of economic relations] // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 222. №2. С. 206–218. DOI:10.38197/2072-2060-2020-2-206-218.
- Бодрунов С.Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития [Bodrunov S.D. (2019). Noonomics: conceptual foundations of a new development paradigm] // *Journal of new economy*. Т. 20. № 1. С. 5–12. DOI:10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов [Glazuyev, S.Yu. (2022). Global transformation through the prism of changing technological and world economic structures] // *AlterEconomics*. Т. 19. № 1. С. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.
- Градов А.П., Иванова Е.А., Гутман С.С. (2003). Экономические порядки и институциональная среда национальной экономики [Gradov A.P., Ivanova E.A., Gutman S.S. (2003). Economic orders and the institutional environment of national economy] // *Экономическая наука современной России*. № 1. С. 26–39.
- Гринберг Р.С. (2016). Поиски новых экономических моделей как ответ на вызовы XXI века [Grinberg R.S. (2016). Searching for new economic models as a response to the challenges of the 21st century] // *География мирового развития*. Вып. 3: Сб. научн. трудов / Под ред. Л.М. Синцера. — М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 8–15.
- Гринин Л.Е. (2016). Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем [Grinin L. E. (2016). The world order in the past, present and future] // *История и современность*. № 1. С. 20–63.
- Колпаков В.А. (2008). Экономическая теория в поисках новой парадигмы [Kolpakov V. A. (2008). Economic theory in the search of new paradigm] // *Знание. Понимание. Умение*. №1 С. 79–88.
- Коновалова Ю.А. (2023). «Новая нормальность» и модель «двойной циркуляции» по-китайски: к вопросу о «современном этапе» развития мирового хозяйства [Konovalova Yu.A. (2023). «New normal» and the Chinese model of «dual circulation»: To the question of the «present stage» of the global economy development] // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. Т. 31. № 1. С. 7–29. DOI: 10.22363/2313-2329-2023-31-1-7-29.
- Мезозэкономика: элементы новой парадигмы (2020). [Mesoeconomics: Elements of a New Paradigm (2020).] / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. — М.: ИЭ РАН.
- Миронюк М.Г. (2024). Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков [Mironyuk M.G. (2024). Continuity and Change in International Orders and Disorders] // *Политическая наука*. №2. С. 55–79. DOI: 10.31249/poln/2024.02.03.
- Николаева Е.Е. (2019). О новой парадигме экономической теории [Nikolaeva E.E. (2019). A new paradigm of economic science] // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 254–259.
- Солужанов В.С. (2021). Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций [Solujanov V.S. (2021). The concept of multipolarity: diversity of approaches and interpretations] // *Вестник РУДН*. Серия: Политология. Т. 23. № 3. С. 424–445. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445.
- Тамбовцев В. (2010). Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход [Tambovtsev V. (2010). Emergence of Institutions: Methodological Individualism Perspective] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 83–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-11-83-96.
- Толкачев С.А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного кризиса [Tolkachev S. A. (2025). Economics' Hard Fate in the Global Economic Crisis] // *AlterEconomics*. Т. 22. №1. С. 22–39. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.3.
- Шлюндт Н.Ю., Неведов С.А., Линец С.И. (2023). Концептуализация геоэкономики в конструктивистской парадигме [Shlyundt N.Yu., Nefedov S.A., Linets S.I. (2023). Conceptualization of geoeconomics in the constructivist paradigm] // *Современная наука и инновации*. № 4 (44). С. 239–245. DOI: 10.37493/2307-910X.2023.4.29.
- Adler E. (2019). *World Ordering: A Social Theory of Cognitive Evolution*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Babic M., Dixon A.D., Liu I. T. (2022). Geoeconomics in a changing global order. // *The Political Economy of Geoeconomics: Europe in a Changing World*. / M. Babić, A.D. Dixon, I.T. Liu (Eds.). — London: Palgrave Macmillan. Pp. 1–27.
- Bair J. (2009). Taking Aim at the New International Economic Order // Mirowski P., Plehwe D. *The Road from Mont Pelerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. — Cambridge, MA: Harvard University Press. Pp. 347–385.
- Belmonte R., Cerny P.G. (2021). Heterarchy: Toward Paradigm Shift in World Politics // *Journal of Political Power*. Vol 14. Is. 1. Pp. 235–257. DOI: 10.2158379X.2021.1879574.
- Benabdallah L. (2024). The Liberal International Order as an Imposition: A Postcolonial Reading // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 162–179. DOI: 10.1017/s0892679424000236.
- Bowen T.R., Broz J.L. (2020). Designing an International Economic Order: A Research Agenda // *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3709604.

- Brown O.R. (2024). The International Order of White Sovereignty and the Prospect of Abolition // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 189–199. DOI: 10.1017/S0892679424000169.
- Bull H. (1995). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. — Columbia: Columbia University Press.
- Calkins P., Vézina M. (1996). Transitional paradigms to a new world economic order // *International Journal of Social Economics*. Vol. 23. No. 10–11. Pp. 311–328.
- Coccia M. (2020). *Theories and laws of scientific development* // Working Paper CocciaLab. No. 50.
- Cruz C., Labonne J., Wright A. (2024). Political outcomes of aid // *Handbook of Aid and Development* / R.M. Desai, S. Devarajan, J.L. Tobin (Eds.). — Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 205–224.
- De Robertis A.G., Tkachenko S.L. (2020). The crisis of the «Liberal International Order» and the challenges from China and Russia // *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. Vol. 13. Is. 4. Pp. 465–477. DOI: 10.21638/spbu06.2020.403.
- Degterev D.A., Timashev G.V. (2019). Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse // *Международные отношения*. № 4. Pp. 48–60. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31751.
- Dimitrijević D. (2023). The Struggle for a New International Economic Order // *Revista Política Internacional*. Vol. 5. No. 3. Pp. 6–21. ISSN 2707-7330.
- Dinga E. (2020). On the concept of economic order // *Journal Contemporary Economy*. Vol. 5. Is. 2. Pp. 62–71. ISSN 2537-4222.
- Dinga E. (2021). An Epistemological Archaeology of the Concept of Economic Order // *Expert Journal of Economics*. Vol. 9. Pp. 41–48.
- Eichner A.S., Kregel J.A. (1975). An Essay on Post-Keynesian Theory: A New Paradigm in Economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 13. No. 4. Pp. 1293–1314.
- Flockhart T. (2024). Order as Resilience-Governance of Sameness and Diversity // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 140–151. DOI:10.1017/S0892679424000157.
- Gilman N. (2015). The New International Economic Order: A Reintroduction // *Humanity: An International Journal of Human Rights Humanitarianism and Development*. Vol. 6. Is.1. Pp. 1–16. DOI: 10.1353/hum.2015.0008.
- Gilpin R. (2001). *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. — Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Glassman J. (2025). Critical geoeconomics, critique of geoeconomics or something else? // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 57. Is. 1. Pp. 108–112. DOI: 10.1177/0308518X241270015.
- Golub P.S. (2013). From the New International Economic Order to the G20: how the 'global South' is restructuring world capitalism from within // *Third World Quarterly*. Vol. 34. Is. 6. Pp. 1000–1015.
- Hall P.A., Taylor R.C. R. (1996). Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. Vol. 44. Is. 5. Pp. 936–957.
- Hall P.A., Soskice D. (2001). An Introduction to Varieties of Capitalism // *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* / P.A. Hall, D. Soskice (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–68.
- Haug S., Braveboy-Wagner J., Maihold G. (2021). The «Global South» in the study of world politics: examining a meta category // *Third World Quarterly*, Vol. 42. Is. 9. Pp. 1923–1944. DOI:10.1080/01436597.2021.1948831.
- Hoffman R. (2012). On the Need for New Economic Foundations: A Critique on Mainstream Macroeconomics // *Cadmus Journal*. Vol. 1. Is. 5. Part 2. Pp. 74–85.
- Horodecka A., Vozna L. (2017). A new paradigm of economic policy based on the synthesis of orthodox and heterodox economics // *Research Papers of Wrocław University of Economics*. No. 489. Pp. 137–148. DOI: 10.15611/pn.2017.489.12.
- Hurd I. (2024). The science of world order // *International Politics*. 06.26. DOI: 10.1057/s41311-024-00579-4.
- Ikenberry G.J. (2008). The rise of China and the future of the West: can the liberal system survive? // *Foreign Affairs*. Vol. 87. Is. 1. Pp. 23–37.
- Ikenberry G.J. (2016). The rise, character, and evolution of international order // *The Oxford Handbook of Historical Institutionalism* / O. Fioretos, T.G. Falleti, A. Sheingate (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 538–552.
- Ikenberry G.J. (2018). The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. Vol. 94. Is. 1. Pp. 7–23.
- Imre Lakatos and Theories of Scientific Change (1989) / K. Gavroglu, Y. Goudaroulis, P. Nicolacopoulos (Eds.). — Dordrecht: Springer.
- Ing L.Y., Rodrik D. (Eds.) (2025a). *The New Global Economic Order*. — Abingdon: Routledge.
- Ing L.Y., Rodrik D. (2025b). Introduction // Ing L. Y. and Rodrik D. (Eds.) *The New Global Economic Order*. — Abingdon: Routledge. Pp. 1–12.
- Jacobs G. (2015). The need for a new paradigm in economics // *Review of Keynesian Economics*. Vol. 3. Is.1. Pp. 2–8.
- Johnson H.G. (1976). *The New International Economic Order* // *Graduate School of Business. Selected Papers* No. 49. — University of Chicago.
- Jorgenson D.W., Vu K.M. (2013). The emergence of the new economic order: Growth in the G7 and the G20 // *Journal of Policy Modeling*. Vol. 35. Is. 3. Pp. 389–399.

- Kadir M.Y.A. (2021). The Failure of New International Economic Order: a Lesson Learned // *Yuridika*. Vol. 36. No. 1. Pp. 141–155.
- Karataşlı Ş.S. (2023). Hegemonic world orders, distributional (in)justice and global social change // *International Affairs*. Vol. 99. Is. 1. Pp. 23–39. DOI: 10.1093/ia/iia312.
- Keohane R.O. (1990). Multilateralism: An Agenda for Research // *International Journal*. Vol. 45. Is. 4. Pp. 731–764.
- Kingston C., Caballero G. (2009). Comparing theories of institutional change // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 5. Is. 2. Pp. 151–180.
- Koch D.-J. (2024). *Foreign Aid and Its Unintended Consequences: Rethinking Development*. — Abingdon: Routledge.
- Kocs S.A. (2019). *International Order: A Political History*. — Boulder: Lynne Rienner.
- Koertge N. (1973). Theory Change in Science // *Conceptual Change. Synthese Library* Vol. 52 / G. Pearce, P. Maynard (Eds.) — Dordrecht: Springer. Pp. 167–198.
- Krauthammer C. (1990). The unipolar moment // *Foreign Affairs*. Vol. 70. Is. 1. Pp. 23–33.
- Kuhn T.S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Lakatos I. (1970). Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // *Criticism and the Growth of Knowledge* / I. Lakatos, A. Musgrave (Eds.). — London: Cambridge Univ. Press. Pp. 91–195.
- Lascurettes K.M., Poznansky M. (2021). International order in theory and practice // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies* / N. Sandal (Ed.). — Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.673.
- Laszlo E., Baker R.Jr., Eisenberg E., Raman V. (1978). *The Objectives of the New International Economic Order*. — New York: Pergamon Press.
- Laybourn-Langton L., Jacobs M. (2018). Paradigm Shifts in Economic Theory and Policy // *Intereconomics*. Vol. 53. No. 3. Pp. 113–118. DOI: 10.1007/s10272-018-0737-4.
- Luttwak E.N. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce // *National Interest*. No. 20. Pp. 17–23.
- Makarychev A., Morozov V. (2011). Multilateralism, Multipolarity, and Beyond: A Menu of Russia's Policy Strategies // *Global Governance*. Vol. 17. No. 3. Pp. 353–373.
- Mallin F., Sidaway J.D., Cheng H., Woon C. Yu. (2025). Introduction: Explanation, critique and critics of geoeconomics // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 57. Is. 1. Pp. 93–98.
- Mazarr M.J. (2022). *The Societal Foundations of National Competitiveness*. — Santa Monica: Rand Corporation⁷.
- Milgrom P.R., North D.C., Weingast B.R. (1990). The role of institutions in the revival of trade: the Law Merchant, private judges, and the champagne fairs // *Economics & Politics*. Vol. 2. Is. 1. Pp. 1–23.
- Mitchell S.M., Thies C.G. (2011). Issue Rivalries // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 28. Is. 3. Pp. 230–260. DOI: 10.1177/0738894211404794.
- Mitzen J. (2024). The Politics of Pedagogy: The Problem of Order in the IR Classroom // *Ethics & International Affairs*. Vol. 38. No. 2. Pp. 180–188. DOI: 10.1017/S0892679424000170.
- Mohr C., Trebesch C. (2025). Geoeconomics // *Annual Review of Economics*. Vol. 17. Is. 5. Pp. 63–87. DOI: cepr.org/publications/dp19856.
- Moisio S. (2019). Re-thinking geoeconomics: Towards a political geography of economic geographies // *Geography Compass*. Vol. 13. No. 10. Art. e12466.
- North D.C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- O'Rourke K.H. (2025). The Global Economic Order: A Brief History // *The New Global Economic Order* / L.Y. Ing, D. Rodrik (Eds.). — Abingdon: Routledge. Pp. 13–26.
- Opp K.D. (1982). The evolutionary emergence of norms // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 21. Is. 2. Pp. 139–149.
- Parsons T. (1938). The Role of Theory in Social Research // *American Sociological Review*. Vol. 3. No. 1. Pp. 13–20.
- Roberts A., Moraes H.C., Ferguson V. (2019). Toward a Geoeconomic Order in International Trade and Investment // *Journal of International Economic Law*. Vol. 22. Is. 4. Pp. 655–676. DOI: 10.1093/jiel/jgz036.
- Ruggie J.G. (1992). Multilateralism: the anatomy of an institution // *International Organization*. Vol. 46. No. 3. Pp. 561–598.
- Saxonhouse G.R., Saxonhouse A.W. (1988). An Inquiry into the Philosophic Roots of Concepts of Economic Order // *Journal of Institutional and Theoretical Economics* (JITE). Vol. 144. No. 2. Pp. 344–356.
- Shahidi S.M.M., Nasirpour G., Zarei B. (2025). Investigating the Geopolitical Competition between Iran and Saudi Arabia in Southwest Asia based on the Theory of Thompson and Claremont (2010–2022) // *Political Studies of Islamic World*. Vol. 13. No. 4. Pp. 99–127. DOI: 10.30479/psiw.2025.19720.3296.
- Siebert H. (2002). *The World Economy*. 2nd ed. — London and New York: Routledge.
- Siebert H. (2008). *The Concept of a World Economic Order*. Kiel Institute for the World Economy. Working Paper. No. 1392.

⁷ Признана в РФ нежелательной организацией.

- Snowder D.J. (2019). Toward global paradigm change: beyond the crisis of the liberal world order // *Economics*. Vol. 13. Is.1. Art. 20190025.
- Spengler J.J. (1948). The Problem of Order in Economic Affairs // *Southern Economic Journal*. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–29.
- Stiglitz J.E. (2017). Markets, States, and Institutions // *Markets, Governance, and Institutions in the Process of Economic Development* / A. Mishra, T. Ray (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 13–30.
- Tao Y. (2016). Spontaneous Economic Order // *Journal of Evolutionary Economics*, Vol. 26. Is. 3. Pp. 467–500. DOI: 10.1007/s00191-015-0432-6.
- Thompson W.R. (1995). Principal Rivalries // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 39. No. 2. Pp. 195–223.
- Venzke I. (2018). Possibilities of the Past: Histories of the NIEO and the Travails of Critique // *Journal of the History of International Law*. Vol. 20. Is. 3. Pp. 263–302. DOI: 10.1163/15718050-20020050.
- Wade R.H. (2011). Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF // *Politics & Society*. Vol. 39. Is.3. Pp. 347–378.
- Wagner A. (1995). Communitarianism: A new paradigm of socioeconomic analysis // *Journal of Socio-Economics*. Vol. 24. Is. 4. Pp. 593–605.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chef Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

DOES THE NEW WORLD ECONOMIC ORDER NEED A NEW ECONOMIC THEORY?

Abstract. The obvious changes that have occurred and are occurring in the global economy and international economic order have led a number of domestic and foreign researchers to believe that these shifts are so great and significant that they require radical shifts in economic science for their study and understanding — from the creation of new economic theories to shifts in its paradigm. The analysis of the validity of these beliefs is the main objective of this article. To solve it, the provisions of the modern theory of science on the causes of changes in theories and paradigm shifts are considered, the established interpretations of the concept of world or international economic order and their inaccuracies and ambiguities are analyzed, proposals are formulated for a clearer understanding of these terms, the comparison of which with the changes taking place in the world economy logically leads to the conclusion that the statements about the need for new theories and even paradigms for understanding the aforementioned changes are clearly exaggerated.

Keywords: *world economic order, economics, change of economics' paradigm.*

JEL: B5, F02, F5.